

Когда
опускается
занавес

Коммунальные пляски „маленьких лебедей“

Погасли огни рамп, опустел зрительный зал. Еще недавно здесь гремели музыка и аплодисменты. А мысли актеров уже заняты совсем другим. «Лебедей», сказочные феи (как добрые, так и злые), а также принцы выстраиваются в очередь к... единственной действующей в театре душевой. Не лучше и тем, кто ушел в общежитие. Ибо танцоры и балерины — народ, как вы понимаете, молодой и живет в общежитии.

После спектакля нужно из колонки принести воду, ждать, пока освободится плита, потом... В общем, не скоро придется лечь спать. А утром — в театр, на репетицию. Так каждый день.

Узбекистанская, 1. Здесь живут сорок артистов Самаркандского театра оперы и балета. Этот дом в горкомхозе на странном положении. Ордеров жильцы не имеют. В каждой комнате по два — три человека. В любой момент, по распоряжению дирекции или по прихоти коменданта, их можно подселить, переселить, выселить. В этом смысле — все как в плохом общежитии. Но даже в плохом общежитии предоставляются жильцам мебель и постельное белье, а здесь — нет. Зато квартплата — как в обычном доме со всеми коммунальными удобствами. Ее взимают не забывая.

Итак, войдем сюда. Темные коридоры, перекошенные двери, почерневшая от времени штукатурка. Окна без стекол, печи полуразрушены, хотя газ к ним подключен. Жди пожара. Кухни тесны: принцы и феи варят суп у себя в комнатах. Здесь же они стирают и моются.

Непонятно, какие «коммунальные услуги» имеются в

виду в жировках — ни воды, ни канализации нет, а газовыми плитами жильцы пользоваться боятся.

Однако так живет не всем. К примеру, доволен Петр Григорьевич Розин — «комендант - общественник» и пожарник театра по должности. За «комендантство» он зарплату не требует, и благодарная дирекция театра предоставила ему диктаторские права. Розин может своей властью (именно отдел кадров и профком!) уволить уборщицу, угрожает жильцам выселением (без санкции прокурора, он сам себе прокурор), врывается в комнаты (не опасаясь получить 15 суток за хулиганство!) в любое время дня и ночи — нравственность блюдет...

Этот пожарник оборудовал себе в общежитии артистов двухкомнатную секцию с кухней и водопроводом, перенес к себе общественный телефон (единственный в доме!) и никого не подпускает к нему даже тогда, когда нужно вызвать врача. То, что дом может сгореть из-за нарушенной электропроводки и неисправных газовых установок, его мало волнует — пожарник-то он театральный, а театр пока не горит.

Беседуем с актерами, живущими здесь. Пришли секретарь партбюро — хормейстер Бури Файзилович Камбаров, замдиректора театра Шариф Акрамович Акрамов, председатель группы народного контроля певец Геннадий Манаконев, председатель пехкома профсоюз артист балета Иван Зуев, секретарь комсомольской организации театра балерина Лиля Румянцева и сам

«комендант-любитель» Розин. Разговор безрадостный: исправить положение они не могут. Просто не верят в такую возможность.

Не случайно многие молодые артисты не собираются долго задерживаться в Самарканде. Отработают положенные после училища два года и уедут. Куда? Вероятно, туда, где к ним относятся более сердечно. Ведь не из-за любви же к путешествиям в прошлом году ушли из театра 160 человек! Задумались ли дирекция, партийная, профсоюзная и комсомольская организации — почему?

Попутный вопрос — почему артисты балета Иван Зуев, Петр Филипповский, балерина Светлана Коцлова и другие, проработав больше года, до сих пор не получили подъемных? Мелочь? Но ведь такие мелочи оскорбляют человека, свидетельствуют о неуважении к нему.

Но вернемся к началу нашего разговора — к концу спектакля. Итак, после напряженного трудового дня актеры стоят в очереди, чтобы принять душ. Стоят часами, до глубокой ночи, потому что душ им просто необходим. Да, быть артистом балета — это тяжелый физический труд. Он ничуть не легче, а может быть, труднее, чем, скажем, работа кузнеца. Для того, чтобы легко, изящно, темпераментно исполнить тот же танец «маленьких лебедей», балерины тренируются по десять часов ежедневно. Эти тренировки требуют, помимо громадной физической нагрузки, еще и большого нервного напряжения.

Кузнец или шахтер про-

сто работают. Артист балета трудится не меньше их, да еще создает при этом художественный образ, который покораивает вас своей легкостью. Легкостью и грацией восхищается зритель. А эта грация далась актеру ценой огромных затрат физической и нервной энергии.

И эти люди не имеют даже простейших «бытовок», какие есть на любой второзаградной фабрике!

Дом № 1 по ул. Узбекистанской — не общежитие. Это обыкновенный коммунальный дом, правда, старый и неблагоустроенный. Но его жильцы должны получить ордера — не формальность. Он — юридический документ, дающий право на занятие жилой площади. Он ограждает жильца от произвола всяких «комендантов-любителей», и, что не менее важно, ко многому обязывает тех, кто его выдал. Напоминаем об этом горисполкому, который уже давно, кстати, вынес решение провести в этом доме капитальный ремонт.

Оперный театр в Самарканде один. Дом, где живут в таких плохих условиях актеры, тоже один. Так что забыть о нем просто невозможно. Во всяком случае, не следует забывать. Должны быть здесь и душевые, и санузлы, и прачечная. Благо рядом с домом проходит канализационная и водопроводная сети. Ведь артисты (которым, вероятно, нередко аплодируют и те, кто до сих пор не выдал им ордеров и не отремонтировал дом) живут не только при свете огней рамп. Они продолжают жить и тогда, когда опускается занавес.

И. ЛОПАТИН.